

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА.

Разказы Очевидца.

1861 — 1864.

V. ¹⁾

Велепольскій и Польша въ юнѣ 1862 г.

Польша въ юнѣ 1862 года напоминала собою хаосъ, поверхъ котораго „носился не духъ Божій, какъ надъ первобытнымъ хаосомъ, а духъ тьмы, раздора, отрицанія и крамолы.“

Несмотря на это, великія слова: „да будетъ свѣтъ“, были произнесены, и въ Царство Польское, гдѣ, казалось, мятежь угнѣздилась на вѣчныя времена, назначенъ былъ примирителемъ „двухъ враждебныхъ другъ другу, въ теченіе вѣковъ, славянскихъ народовъ“, Августѣйшій Братъ Государа Императора.

Тяжкая обязанность выпала на долю Августѣйшаго Намѣстника. Наичистѣйшія примирительныя намѣренія и дѣйствія, всевозможныя льготы и преимущества, дарованныя странѣ, не могли быть еще усвоены потому что край утратилъ свою самостоятельность и находился цѣликомъ во власти красныхъ революціонеровъ, такъ что населеніе было, какъ бы, одержимо нечистымъ духомъ самыхъ ярыхъ, разрушительныхъ стремленій. ²⁾

Франція, пріютившая и воспитанная этихъ „новыхъ людей“, горько заплатилась за то прошлыми революціями и настоящимъ уни-

¹⁾ См. первые четыре разказа въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 115—150; 339—356; 699—721; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 124—145.

²⁾ Авторъ разказовъ здѣсь ошибается во времени: сколько намъ извѣстно изъ другихъ, вполне достовѣрныхъ источниковъ—до ноября 1862 г. «красные» далеко не имѣли той силы въ Царствѣ Польскомъ, какую приписываетъ имъ Очевидецъ. До ноября 1862 г. Hôtel Lambert—еще держался, то есть партія бѣлыхъ, партія Чарторижскаго имѣла силу и значеніе въ странѣ. Ред.

женіемъ; она думала погубить Россію, наславъ на нее кровавыя орды и пала сама; Россіи же пришлось выдержать самый отчаянный напоръ революціонеровъ, поддерживаемыхъ, болѣе или менѣе, почти всѣми государствами Европы. Отечество наше съ честью приняло борьбу, употребивъ всѣ средства для умиротворенія Польши, а потомъ дописало исторію Польши, сдѣлавъ ее на вѣки нераздѣльною частію русской имперіи.

Велепольскій думалъ самъ и увѣрилъ всѣхъ въ Петербургѣ, что поляки существуютъ какъ народъ.¹⁾ Онъ не зналъ или не хотѣлъ знать, что съ 1831 года, люди, называвшіе себя за границею поляками, давно отрѣшились отъ отечества, его исторіи, обычаевъ и преданій; они назвали себя особымъ новымъ народомъ, который долженъ бороться со всѣми, пока совершенная свобода водворится на цѣломъ свѣтѣ²⁾. Невзмѣримая пропасть раздѣляла тогдашнее прошедшее отъ настоящаго.

Всѣ взбунтовавшіеся въ 1830 году подпрапорщики войскъ польскихъ, студенты и нѣсколько буйныхъ патріотовъ, были только подражателями Французовъ, произведшихъ, за четыре передъ тѣмъ мѣсяца, почти мирный переворотъ въ Парижѣ, кончившійся изгнаніемъ старшей Бурбонской линіи. Войска польскія, 17-го (29) ноября 1830 года, дѣйствовали почти также какъ войска французскія въ іюль того же года. Главнокомандующій французскою арміею въ Парижѣ—Мармонъ отнюдь не былъ выше Хлопцакаго; а главный агитаторъ въ Варшавѣ, вліятельнѣйшій членъ клуба и тогдашній „террористъ, Робеспьеръ польскій“ Мохнацкій—показался бы больнымъ цыпленкомъ передъ революціонными дѣятелями послѣдней смуты.

Въ нашихъ разсказахъ, и вообще въ повѣствованіяхъ о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ, постоянно повторялось слово „красные“, для того, чтобы ими обозначить враговъ общественнаго порядка и

¹⁾ Если поляки-эмигранты, поляки отрѣшившіеся отъ родины и не постигавшіе ея дѣйствительныхъ интересовъ, являлись сбродомъ бродягъ и не могли существовать какъ народъ, то сплошное, одаренное многими, присущими вообще славянскому племени, хорошими качествами, населеніе Привислянскаго края всегда составляло и будетъ составлять народъ, имѣющій свои особенности и права. Велепольскому не для чего было кого-либо увѣрять въ существованіи поляковъ какъ народа, это и безъ него хорошо знали, и какъ представители власти въ Россіи, такъ вообще представители образованнаго общества, вполне искренно желали въ 1862 г. уважить неотъемлемыя права родной для Россіи національности. Эти добрыя желанія погашены лишь русскою кровью, вѣроломно пролитою обезумѣвшими польскими революціонерами. Ред.

²⁾ Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. (Возстаніе польскаго народа въ 1830 и 1831 годахъ) Мохнацкаго, т. III, стр. 176—181. О Велепольскомъ говорится на стр. 177.

руководителей мятежа; такъ понимали ихъ люди правительственные и маркизъ Велепольскій. Между тѣмъ „красные“ въ дѣйствительности были въ Царствѣ Польскомъ авангардомъ коммунистовъ и интернациональной партіи, не принадлежавшихъ никакой землѣ. Поляки, явившіеся, вслѣдствіе амнистіи, изъ за границы въ Царство Польское и ховяйничавшіе въ немъ при князѣ Горчаковѣ, Сухозанетѣ, отчасти при Ламбертѣ и въ промежуткахъ между намѣстничествомъ графа Лидерса и Великаго Князя Константина Николаевича, не были Поляками; они смотрѣли на Польшу, какъ на землю, гдѣ всего скорѣе, пользуясь общественнымъ настроеніемъ и безсиліемъ представителей власти, они могли достигнуть цѣли; у нихъ, повторяемъ, не было прошедшаго; ихъ нравственные и политическія убѣжденія могли высказаться такимъ образомъ:

«Побѣда и жизни! Признаю одно только это право и предъ нимъ склоняю голову. Правомъ этимъ міръ возлетитъ въ высшія сферы, и говорить теперь мнѣ устами: люди ветхіе, источенные червями, полные яствъ и ваптковъ, дайте мѣсто молодымъ, голоднымъ и сильнымъ.»¹⁾

Далѣе, тотъ же Панкратій, олицетвореніе крайняго демократизма, говоритъ представителю конституціонной аристократіи графу Генриху:

«Народъ мой еще не развился, недоросъ до того, чтобы сдѣлаться великимъ; но, до тѣхъ поръ, онъ глотаетъ хлѣбъ и достатокъ, а придетъ время, придетъ часъ, когда онъ пойметъ себя и скажетъ себѣ: «я существую» (jestem) и не будетъ на свѣтѣ другого голоса, который бы могъ произнести: «я существую»... «Изъ повогвнїа, которое я воссылаю, выйдеть, силою моея воли, послѣднее людское поколѣніе—высшее, разумнѣйшее. Земля еще никогда не видала такихъ людей. Это будутъ люди вольные, владыки всей земли отъ полюса до полюса. Вся земля сдѣлается цвѣтущимъ городомъ—однимъ счастливымъ домомъ, одною мастерскою богатствъ и промысла... Тамъ почиваетъ Богъ, для Котораго не будетъ уже смерти; Богъ, найденный въ небѣ собственными дѣтьми, которыхъ онъ когда-то рассыялъ по землѣ, а они теперь познали истину и пришли къ ней. Богъ человечества сказался имъ.»

Для того, чтобы достигнуть такихъ убѣжденій, нужно было пережить пятнадцать междоусобій и возстаній, какія пережила Польша съ 1794 по 1831 годъ, ничему ненаучась и ничего не вынеся изъ этихъ кровавыхъ опытовъ своего прошедшаго, пока наконецъ, покинувшіе родину, дѣти этой несчастной страны, нигдѣ нетерпѣвшіе надъ собою никакой власти, пришли къ убѣжденію, что они особый народъ въ мірѣ, имѣющій высшее призваніе.²⁾

Замѣчательнъ рядъ цифръ, повторяющихся въ циклѣ возстаній Польши, въ послѣднія сто двадцать лѣтъ. Онъ наводитъ на многія думы:

¹⁾ Монологъ Панкратія въ «Небожественной комедіи» Краснянскаго.

²⁾ Леонардъ Ходзько. Les massacres de Galicie et Krakowie confisquée par l'Autriche en 1846; стр. 29 - 31. Парижъ, 1861 г.

Съ 1768 по 1772 годъ была Барская конфедерація, во время которой поляки, подъ предводительствомъ Пулавскихъ, Красинскихъ и Потоцкихъ боролись противъ Россіи.

Въ 1794 году произошла Варшавская заутреня: Русскіе были измѣнически вырѣзаны; явился Костюшко. Польша пала, послѣ Прагскаго штурма.

Въ 1830—1831 годахъ произошелъ мятежъ Царства Польскаго и штурмъ Варшавы.

Въ 1861—1864—новыя смуты и манифестаціи, окончившіяся открытымъ возстаніемъ.

Около тридцати лѣтъ раздѣляютъ, между собою, каждое изъ этихъ печальныхъ событій, свидѣтельствуя, что доростающее до зрѣлости поколѣніе безуспѣшно пытается возстановить Польшу и умножаетъ число выходцевъ—новцами, хотя прежніе жили только мечтами, не имѣя ничего существеннаго, и смотрѣли на Польшу, какъ на обѣтованную землю, въ которой можно было жить безъ труда; самая Польша, въ ихъ мечтаніяхъ была раздвинута, исключительно на счетъ Россіи, до Двины и Днѣпра, и въ предѣлы ея включены области, приобрѣтенныя цѣною русской крови и заселенныя чисто русскими людьми.

Но какое дѣло до исторіи „людейъ будущаго“; они хотѣли разрушить общественное зданіе, воздвигавшееся вѣками и начать, изъ его развалинъ, строить новое общество по своему кровавому идеалу.

Надобны были—какой-нибудь актъ и вѣрованіе, чтобы соединить эти разбросанныя по цѣлому свѣту толпы—сначала мечтателей, потомъ фанатиковъ—въ одно; указать имъ общую цѣль и увѣрить въ будущемъ призваніи Поляковъ—апостоловъ обновленія, во чтобы ни стало, всего рода человѣческаго.

За это взялись поэты, издавна работавшіе на политическомъ поприщѣ. Бродзинскому и Мицкевичу удалось ввести, между польскими изгнанниками, родъ новой религіи, вѣрованіемъ которой была Польша, убитая и погребенная, какъ жертва за свободу народовъ, съ тѣмъ, чтобы воскреснуть въ полной силѣ и славѣ, среди обновленныхъ новою жизнію свободныхъ народовъ земли.

Мицкевичъ заговорилъ о мессіанизмѣ и написалъ книги пилигримства польскаго народа (*Księgi narodu polskiego*, 1833 г.), а также молитву и литанію для повстанцевъ, подражая размѣру, слогу и изложенію книгъ священнаго писанія.²⁾

¹⁾ Находятся въ VI томѣ новаго полнаго изданія сочиненій Мицкевича. Парижъ и Лейпцигъ, стр. 237—337. См. отзывъ Винцентія Поля о «книгахъ пилигримства» въ приложеніи къ этой статьѣ.

Послѣ этого, мечтанія польской эмиграціи обратились въ желаніе испытать свои силы надъ обветшалюю Европою, прибѣгая для того ко всѣмъ средствамъ, потому что самая измѣна считалась героизмомъ и добродѣтелью.

При этомъ извращеніи идей, понятны позднѣйшіе польскіе катихизисы, присяги на убійство того или другаго лица, съ призываніемъ помощи Бога и святыхъ; колѣнопреклоненныя горячія моленія въ храмѣ передъ совершеніемъ посягательства на убійство; распинаніе плѣнныхъ; жандармы-вѣшатели, однимъ словомъ всѣ ужасы, которые пришлось видѣть во время послѣдней польской смуты.

Польша записала въ своей исторіи за послѣднія 160 лѣтъ одиннадцать эмиграцій ¹⁾ именно: въ 1709, 1764, 1772, 1792, 1795, 1831, 1834, 1846, 1851, 1864 и 1865 гг. Эмиграціи 1832 — 1846 гг., какъ мы прежде сказали, увлекли людей въ цвѣтъ молодости, полнотѣ силъ и здоровья; мало однакожь способныхъ къ труду и скучавшихъ бездѣйствіемъ. Полякъ всегда любилъ больше кубокъ и саблю, а за трудъ брался только по неволѣ, и вотъ почему не было на свѣтѣ какаго-либо беспорядка или замѣшательства, гдѣ бы онъ не являлся, подъ предлогомъ защитника угнетенной свободы. ²⁾

1831 годъ существенно измѣнилъ положеніе польскаго народа въ краѣ и эмиграціи, и произвелъ переворотъ въ польской литературѣ, давъ ей тенденціозно-отрицательный характеръ. Польская литература перестала быть выраженіемъ свободнаго духа, проникнутаго идеей изящнаго, у ней явилась задняя мысль; это не была мысль объ отечествѣ, одушевлявшая польскихъ легионеровъ съ 1797 по 1815 годъ,

¹⁾ Леонардъ Ходзько: *Les massacres de Galicie est*, стр. 31. Сочиненіе это сообщаетъ много данныхъ для новѣйшей исторіи Польши. Авт.

²⁾ Мицкевичъ въ статьѣ: «*Niezdody emigracji*» (Неудачи эмиграціи, т. VI стр. 206) рассказываетъ слѣдующее: «Въ одномъ изъ французскихъ городковъ намъ удалось слышать слѣдующій разговоръ: «Откуда товарищъ?» спрашивалъ Мазовшанинъ Жмудяка. Изъ Америки, отвѣчаетъ Тельшанинъ, хотѣлось взглянуть на эту землю; но Американцы торгуютъ, педумаютъ о войнѣ за волюность народовъ, и вотъ я вернулся въ Европу; можетъ быть достану нѣсколько талеровъ, пару пистолетовъ и пойду на родину—биться съ Москалемъ. «А товарищъ куда идетъ?»—«Былъ у Донъ-Педро», отвѣчалъ другой, «но его дѣло не стоитъ фунта пороку; бьются за то—кто будетъ царствовать: Донъ-Педро или Донъ-Мигуэль; а намъ какое до этого дѣло. «Я, сказалъ третій, возвращаясь изъ Брюсселя; я думалъ, что Леопольдъ начнетъ настоящую войну и хотѣлъ согласиться съ полковникомъ N, чтобы помогать Бельгіянамъ, но увидѣлъ, что Леопольдъ только труба, на которой играетъ Людовикъ-Филиппъ; чего-жъ тамъ, послѣ этого, ждать путнаго.»—»Можетъ, отозвался четвертый, было бы хорошо поговорить съ Мехметомъ; но лучше всего удалось тѣмъ, которые бьются съ Москалемъ и достаютъ на родной землѣ побѣду или смерти!» Авт.

въ рядахъ французевъ — нѣтъ, это была мысль о будущемъ призваніи польскаго народа въ дѣлѣ всемірной комунистической революціи.

Со всѣхъ сторонъ свѣта слышались одинаковыя поэтическія отголоски: Франція, Алжирь, Англія, Швейцарія, Австрія, Пруссія, Америка,—а въ Россіи: Царство Польское, Литва, Подолія, Украина, Сибирь, Оренбургъ и Кавказъ оглашались выраженіемъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей, убѣжденій и желаній, высказываемыхъ болѣе или менѣе ясно, но не вполнѣ понятныхъ разсѣянному по всей землѣ народу, который съ жадностію ловилъ эти звуки, старался угадать ихъ сокровенный смыслъ и тѣшилъ себя несбыточными мечтами. Чѣмъ менѣе было простора своеволію въ давней Польшѣ, тѣмъ сильнѣе духъ его распространялся по окраинамъ.

Между выходцами явилась цѣлая плеяда польскихъ, литовскихъ и украинскихъ поэтовъ; съ начала 1831 года они сгруппировались около Мицкевича, въ Дрезденѣ — тамъ былъ Одынецъ, Гарчинскій и съ ними извѣстный путешественникъ и геологъ Домейко. Всѣ собирались у патриотки Гофманъ, рожденной Таньской и у Клодины Потоцкой, рожденной Дзялынской. Тамъ, въ кругу литераторовъ и людей избраннаго общества, Мицкевичъ читалъ только что оконченную имъ четвертую часть „Праотцевъ“ (Dziady) и „Пана Тадеуша“; здѣсь же слушались вдохновенныя мистическія стихи Словацкаго и Красинскаго; сюда же, и позднѣе, въ Парижъ, куда переѣхалъ Мицкевичъ, долетали поэтическія импровизаціи Карла Бѣлинскаго—изъ Сибири, Густава Зелинскаго—съ Кавказа, Желеговскаго (Антоній Сѡва)—изъ Оренбурга, Северина Гошинскаго, Матушевскаго, Войцицкаго, Гославскаго, Мирославскаго (написавшаго рядъ поэмъ: „Шуя“, „Желѣзная Марина“, „Пугачевъ“ и „Гроховская битва“), Якуба Ясинскаго, Ципріина Годабскаго, Раймунда Суходольскаго, Корженевскаго, Сырокомли (Кондратовича), Крашевскаго и Лушевской (Деотимы).

Всѣ эти поэмы и вся тогдашняя заграничная польская литература черпали свои вдохновенія въ ненависти къ Россіи и современному порядку дѣлъ въ Европѣ, мѣшавшему людямъ, сочувствующимъ Польшѣ, стать открыто на ея сторонѣ и поголовно ополчиться противу притѣснителя.

Русское общество было совершенно чуждо этому движенію и не могло заблаговременно принять противу него своихъ мѣръ; скажемъ болѣе, благодаря строгости Ценсуры, всѣ сочиненія враждебныя Россіи и защищавшія поляковъ, были у насъ запрещены и русское чи-

тающее населеніе совершенно не знало о существованіи своихъ новыхъ, опаснѣйшихъ и весьма талантливыхъ, враговъ. ¹⁾

Это была „медвѣжья услуга“ послѣдователей столь печально-извѣстнаго цензора Александра Ивановича Красовскаго. ²⁾

Новымъ людямъ нужна была и новая религія; за этимъ дѣло также не-стало: при религіозномъ индифферентизмѣ можно было сочинять какія угодно молитвы и литаніи, не боясь нисколько церковнаго проклятiя; напротивъ, самые всендзы охотно дѣлались ревнителями „дѣла отчизны“ и наконецъ дошли до того, что въ храмахъ, во время божественной службы, допускали гнѣніе революціонныхъ гимновъ.

Графъ Муравьевъ, а теперь князь Бисмаркъ показали, какъ нужно дѣйствовать съ католическимъ духовенствомъ, чтобы вернуть его на путь религіи и истины.

Привожу здѣсь молитву „пилигримовъ“ для того, чтобы судить о польскихъ фанатикахъ и ихъ религіозныхъ убѣжденiяхъ:

Молитва пилигрима.

„Господи Боже Всемогущій. Дѣти воинствующаго народа простираютъ къ Тебѣ, съ разныхъ концовъ свѣта, свои безоружныя руки. Взываютъ къ Тебѣ изъ рудниковъ Сибирскихъ, снѣговъ камчатскихъ степей Алжирiи и чужеземной Франціи. А въ отчизнѣ нашей, вѣрной Тебѣ Польшѣ, нельзя имъ звать къ Тебѣ; наши старики, женщины, дѣти — молятся Тебѣ тайно — мыслію и слезами — Боже Ягеллоновъ, Боже Собіесскихъ, Боже Косцюшекъ — сжался надъ нашею отчизною и надъ нами... Позволь намъ снова молиться Тебѣ, по обычаю предковъ, на полѣ битвы, съ оружіемъ въ рукахъ, передъ алтаремъ изъ пушекъ и барабановъ, подъ балдахиномъ изъ орловъ и знаменъ нашихъ. Позволь родинѣ нашей молиться въ костелахъ нашихъ городовъ и деревень; а дѣтямъ — на могилахъ нашихъ. Но пусть будетъ во всемъ не наша, а Твоя воля. Аминь.“ ³⁾

Пилигримская литанія (см. приложение) — верхъ безумiя; только читая ее можно понять, до какой степени воспитатели польскихъ „красныхъ“ злоупотребляли тѣмъ, что есть чистѣйшаго и священнѣйшаго въ каждой религіи — молитвою къ Богу. ⁴⁾

Посягательства ихъ на евангеліе были еще смѣлѣе: Мицкевичъ въ XXIV главахъ „книгъ польскаго народа“ ⁵⁾ разсказалъ всеобщую

¹⁾ Моллеръ: Situation de la Pologne ect., стр. 236.

²⁾ См. его біографію въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., т. X, стр. 106—126.

³⁾ Сочиненія Мицкевича, т. VI, стр. 332. Литанія помѣщена въ приложенiи.

⁴⁾ Приложение I.

Лит.

⁵⁾ Томъ VI полнаго собранія сочиненій Мицкевича, страницы 237—331.

исторію отъ начала свѣта до паденія Польши, подражая преимущественно евангелисту Іоанну Богослову; такъ напримѣръ, онъ начинаетъ свои книги слѣдующими словами:

„Въ началѣ была вѣра въ одного Бога, и была вольность на свѣтѣ, и не было законовъ — только вѣра въ Бога, и не было господъ и невольниковъ, а только патріархи и дѣти ихъ.“

„Но потомъ люди отказались отъ единого Бога, поставили себѣ идоловъ, поклонялись имъ, приносили въ честь ихъ кровавыя жертвы и воевали за честь своихъ идоловъ“.

„За то Богъ послалъ на идолопоклонниковъ настрашнѣйшую кару — неволю“.

И такъ далѣе; въ подобномъ же родѣ разсказана исторія римская, исторія христіанства, рыцарства и новѣйшихъ временъ; въ повѣствованіи этомъ странно перемѣшаны: имя Божественнаго Искупителя съ именами: Фридриха II, Маріи-Терезіи, Екатерины II, Наполеона и даже Казимира Перрье. Этотъ сумбуръ оканчивается открытіемъ, что Польша не умерла, что тѣло ея лежитъ въ гробѣ, а душа оставила землю и проникла до преисподней, чтобы узнать жизнь и быть людей, терпящихъ неволю.

„А на третій день душа возвратится въ тѣло, и народъ воскреснетъ и освободитъ изъ неволи всѣ народы Европы“.

„Два дня уже прошли: первый день кончился съ первымъ взятіемъ Варшавы; второй день — со вторымъ штурмомъ, а третій день наступитъ и никогда не кончится“.¹⁾

Имѣя подобную религію, нужно было составить или изобрѣсти соотвѣтствующіе законы, и они были сочинены, послѣ происходившаго въ 1833 году, подъ предсѣдательствомъ Лафайета, въ Парижѣ, 25-го августа, засѣданія общества Литвиновъ и выходцевъ изъ земель русскихихъ.

Не длинна эта „конституція повстанцевъ“, но каждое ея слово дышетъ убійствомъ и разрушеніемъ.

„Статья 1. Москва, служащаго Николаю, убивать, ловить и настойчиво преслѣдовать.“

„Ст. 2. Между повстанцами и Николаемъ не можетъ быть условій, договоровъ, конвенцій, перемирія, корреспонденцій и т. п.“

„Ст. 3. Каждаго шпиона, каждаго русскаго чиновника, угнетавшаго Поляковъ, каждаго Поляка, вѣрншаго въ союзъ съ Россією — ловить, судить и казнить.“

„Ст. 4. Революціонная власть принадлежитъ тому, кто ее возьметъ,“

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Мицкевича. томъ VI, стр. 254.

и дѣлается болѣе или менѣе обширною, по числительности населенія страны, талантовъ и счастья начальниковъ. Власть существуетъ, пока ее слушаются.

Ст. 5. Власть, проникая въ городъ или мѣстечко издастъ постановленія; поймавъ виноватаго судить его, и, если состоитъ изъ небольшого числа повстанцевъ, сама приводитъ приговоры въ исполненіе.

„Ст. 6. Подати составляются изъ добровольныхъ складокъ. Кромя того, власть, въ военное время, беретъ все, что ей нужно“.¹⁾

Эти невѣроятныя правила въ точности исполнялись предводителями бандъ и всѣми дѣятелями послѣдней польской смуты. Мы смотрѣли на нихъ, какъ на совершенно новое, тогда какъ они были извѣстны за границую — тридцать лѣтъ назадъ. Какъ не подивиться бдительности, прозорливости и провинцальности нашей тогдашней полиціи, всегда столь бдительно надзиравшей за своими, за русскими и постоянно принимавшей слова за дѣйствія; о тогдашней ценсурѣ не говоримъ — она, сама того не сознавая, явилась ревностною соотрудницею ревнителей „польской справы“.

Мицкевичъ, для поддержанія всѣхъ этихъ безумствъ, въ несчастіи вполнѣ осуществившихся во время послѣдняго возстанія, написалъ какъ бы въ видѣ пророчества:

„Отрывокъ изъ письма“, въ которомъ будто бы былъ приложенъ № 158-й газеты Шавельскаго воеводства (въ форматѣ англійскаго „Times“) отъ 2-го іюня 1899 года (!?); гдѣ описывалась побѣда, одержанная поляками надъ русскими при Окѣ, слѣдствіемъ чего было учрежденіе республики Сибирской (!!!).

Газета сообщаетъ, что въ Польшѣ 1899 года, ходячая монета называется „косцюшки“, что одна дочь шавельскаго органиста вышла за мужъ за пресбургскаго воеводу (въ Венгрію), а другая — идетъ за мѣстнаго кузнеца Доршпрунга.²⁾

Но вѣдь это сумасшествіе, скажетъ безпристрастный читатель. Да, сумасшествіе, повторимъ мы, но оно едва не одержало успѣха надъ разумомъ!

Велепольскій не зналъ и не понималъ Польши шестидесятихъ годовъ, а главное, упустилъ изъ виду то обстоятельство, что послѣ амнистіи 1856 г. возвратилось въ Польшу до десяти тысячъ выходцевъ,³⁾ въ протекшую четверть столѣтія проникнувшихъ глубоко

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Мицкевича, томъ VI.

²⁾ Полное собраніе сочиненій Мицкевича, томъ VI, стр. 231—234.

³⁾ Моллеръ: Situation de la Pologne etc., стр. 202; авторъ пользовался официальными источниками, а потому приводимыя имъ цифры и факты отличаются вѣрностью.

ненавистью къ Россіи, благодаря лжамъ и клеветамъ, о ней распускаемымъ и никогда никѣмъ неопровергнутымъ.

Надежда патриотовъ польскихъ основывалась на молодежи; здѣсь, какъ мы уже знаемъ, имъ много помогли правительства Франціи и Италіи, не только дозволивъ учрежденіе польскихъ военныхъ школъ, но принявъ ихъ въ свое покровительство. Орлеанская династія и Наполеонъ III старались развить и поддержать значеніе польской эмиграціи. Въ мирное время, подъ видомъ науки, они позволяли распространять между польскими выходцами самыя крайнія революціонныя ученія, думая, что это все направится исключительно противъ Россіи. Провидѣніе воздало каждому по дѣламъ его. Поляки явились первѣйшими и опасѣйшими врагами Орлеановъ и Наполеонидовъ, ими же приготовленные для разрушенія существующаго порядка и установленія.

Послѣ профанаціи исторіи, религіи и закона, профанація науки была дѣломъ естественнымъ. За это взялся Людвигъ Мирославскій,¹⁾ стяжавшій впоследствии печальную извѣстность во всѣхъ позднѣйшихъ смутахъ. Въ формѣ публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Парижѣ въ 1844 и 1845 г., подъ видомъ разбора кампаніи 1831 г., изложилъ онъ правила для веденія будущей народной войны противъ Россіи и политическія соображенія для вѣрнаго успѣха военныхъ дѣйствій...²⁾ Сѣраковскій, Галензовскій, Жвирждовскій, Гейленрейхъ, Маевскій, Машевскій, Траугуттъ и другіе дезертиры, покинувшіе ряды русскаго войска въ послѣднее возстаніе, старались дѣйствовать по правиламъ Мирославскаго, какъ специалисты повстанскаго дѣла.

Мирославскій, обращаясь къ своимъ слушателямъ, постоянно называлъ ихъ „граждане“ (obywatele) и во вступленіи предупредилъ, что разбираетъ кампанію 1831 г., съ цѣлію вывести правила для будущаго повстанія.

Излагая свои политическія убѣжденія, Мирославскій говоритъ: „Повстанское правительство, не имѣющее своего конечнаго идеала, не проникающее за предѣлы революціи, правительство, которое не можетъ знать à priori, чего будетъ стоить освобожденіе страны,—такое пра-

¹⁾ Мирославскій родился въ Немурѣ, во Франціи, въ 1814 г.; 12-ти лѣтъ опредѣленъ въ Калишскій кадетскій корпусъ, откуда вышелъ подпоручикомъ въ 1830 г. въ 3-й егерскій полкъ. Авт.

²⁾ Полное заглавіе изданныхъ въ 1845 г. лекцій было: Rozbior krytyczny kampanii 1833 roku i wnioskiowane z nej prawidła do wojny narodowej. (Критическій разборъ кампаніи 1831 г. съ выводомъ изъ нея правилъ для народной войны). Четыре тома. Парижъ. Авт.

вительство—политическій атеизмъ; оно не въ состояніи полюбить своего дѣла съ отцовскою мудростью“. Подъ вліяніемъ этого начала. Мирославскій неумолимо уничтожаетъ и народное значеніе главныхъ дѣятелей польской революціи 1830 и 1831 гг.: „Любецкій, Хлопицкій, Чарторижскій, Свръжнецкій, Круковецкій, Рыбинскій, Немосевскій, Лелевель, вовсе не такіе индивидуумы, которыхъ несуществованіе могло бы ускорить или замедлить общее движеніе; это были не болѣе какъ ярлыки съ надписями: непостоянство, торопливость, вѣдливость, лѣность, зависть, трусость, мечтательность и лживость, навѣшенные на различныхъ личностяхъ“.¹⁾

„Первый революціонный клубъ, обманутый конституціоналистами повстанія, напрасно пытался влить свѣжую кровь въ испепеленныя сердца Любецкихъ, Чарторижскихъ, Грабовскихъ, Раутенштрауховъ, Коссецкихъ и т. п. Клубъ, своими угрозами и непостоянствомъ, проповѣдъ только переимѣну лицъ, а не измѣненіе системы; въ доказательство можно указать на замѣну Соболевскаго, Грабовскаго, Раутенштрауха—Островскимъ, Малаховскимъ и Дембовскимъ. Измѣнились люди, а дѣла шли прежнимъ порядкомъ“.²⁾

Также строго осуждаетъ Мирославскій дѣйствія всѣхъ польскихъ предводителей: Хлопицкаго, Свръжнецкаго, Дембинскаго, Круковецкаго, Рыбинскаго и Раморино. По его мнѣнію, самый способъ ихъ дѣйствій не соответствовалъ характеру народной войны. Всѣ они желали умереть: Хлопицкій—съ честью подъ Гроховымъ; Свръжнецкій—съ католическимъ самоотверженіемъ на поляхъ Остроленки; Дембинскій съ отчаянія—подъ Шимановымъ; Круковецкій—изъ молодечества въ рядахъ 73 дружины; Рыбинскій—съ хладнокровіемъ подъ Токарами, тогда какъ они должны были умереть, а жить и биться, не спрашивая о числѣ противниковъ“.³⁾

На основаніи подобныхъ выводовъ Мирославскій пришелъ къ заключенію, принятому имъ за аксіому, что надобно разорвать связь съ прошедшимъ, отрѣшиться отъ преданій и исторіи, жить для будущаго, имѣя въ виду—свободою всѣхъ народовъ—достигнуть свободы Польши.

Слушатели Мирославскаго прониклись его ученіемъ и сдѣлались самыми пламенными его поборниками. Въ ожиданіи болѣе благоприятнаго времени для возвращенія на польскую землю, они практиковались, принимая участіе во всѣхъ междоусобіяхъ и беспорядкахъ, слы-

¹⁾ Rozbior etc., томъ I, стр. 16.

²⁾ Rozbior etc., томъ I, стр. 22.

³⁾ Rozbior etc., томъ I, стр. 33—34.

живавшихъ въ Европѣ. До самой послѣдней смуты—поляки-выходцы оставались вѣрными исповѣданію вѣры (profession de foi), подписанному ихъ единоплеменниками въ лагерѣ при Мадильяно 22-го января 1849 г.¹⁾ „Всюду, гдѣ народъ бьется за свободу, онъ бьется и за Польшу; потому что Польша—покровительница свободы: безъ Польши нѣтъ ни мира, ни свободы въ Европѣ. Вотъ почему во всякой борьбѣ, гдѣ въ игрѣ свобода, льется кровь истинныхъ сыновъ Польши. Мы сказали себѣ: наша кровь принадлежитъ всему человѣчеству; мы готовы проливать ее за свободу всѣхъ народовъ. Всякій угнетенный, всякій, отыскивающийъ вольность,—нашъ братъ, и это убѣжденіе ручается намъ, что неустанною борьбою мы достигнемъ неважноности нашей матери—Польши“.

Прошло съ тѣхъ поръ до 1860 г. еще одиннадцать лѣтъ; къ старѣвшимъ „новымъ полякамъ“ присоединилось подростшее поколѣніе, еще болѣе чѣмъ старики, вѣрившее въ святость своего призванія; заграничныя польскія изданія, хотя и запрещенныя для русскихъ, но легко добываемыя поляками, распространились въ Россіи между обучавшимся польскимъ юношествомъ, которое усвоило ихъ начала и проникнулось ими.

Благодаря, какъ мы уже сказали, широкой амнистіи, начали собираться въ Варшавѣ заграничныя выходцы и возвращавшіеся изъ Сибиря, Оренбурга и Кавказа—всѣхъ ихъ принимали на родинѣ, какъ мучениковъ за дѣло отечества; партія „новыхъ людей“, никогда и никого не признававшая, росла, и скоро сдѣлалась господствующею. Слѣдуя програмѣ Мирославскаго (Plan de la révolution polonaise. 17-го февраля (1-го марта) 1861 г.), они обнаружили безсиліе русской власти непрерывными манифестаціями, потомъ дерзко подняли голову, подчинили себѣ всю страну и весь корпусъ туземныхъ чиновниковъ, а потомъ рѣшились на открытое восстаніе.

Въ это же время аристократы и собственники возмечтали возстановить автономію Польши временъ Ягеллоновъ и Собіеескихъ; они мечтали о восстаніи противъ Россіи, не тронувъ своихъ помѣщичьихъ правъ надъ крестьянами.²⁾ Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 г., уничтожившій крѣпостное состояніе въ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавившій ее отъ пролетаріата, возстановилъ противъ пра-

¹⁾ Histoire populaire de Pologne, par Adam Mickiewicz, publiée avec préface, notes et chapitre complémentaire, par Wladislas Mickiewicz. Paris, 1867. (Народная исторія Польши Адама Мицкевича, изданная, съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополнительной главою, Владиславомъ Мицкевичемъ. Парижъ, 1867 г.). Стр. 596. Авт.

²⁾ Situation de la Pologne ect., стр. 217.—Моллера.

вительства владѣльцевъ и собственниковъ Царства Польскаго. Пять дней спустя послѣ обнародованія манифеста, 24-го февраля того же года, земледѣльческое общество представило проектъ выкупа земель крестьянами, поручивъ это дѣло Кредитному обществу, состоявшему изъ тѣхъ же землевладѣльцевъ и подъ предсѣдательствомъ того же графа Андрея Замойскаго. Такимъ образомъ собственники продолжали держать крестьянъ въ зависимости, а, между тѣмъ, освобождали себя отъ всякаго правительственнаго контроля. Вотъ какъ выражается объ этомъ графъ Тышкевичъ.¹⁾ „Въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ Земледѣльческое общество приняло основной планъ преобразованія далеко не столь широкой, какой былъ обнародованъ правительствомъ; собственники открыто говорили: мы ничего не сдѣлаемъ для крестьянъ, потому что они могутъ подумать, будто мы это дѣлаемъ по принужденію Москалей. Когда мы избавимся отъ Русскихъ, мы дадимъ то, либо другое; крестьяне будутъ знать, что это нами сдѣлано, по собственной волѣ, и что мы ихъ благодѣтели. Не жалко-ли это?“

Аристократы хотѣли употребить для будущаго восстанія въ дѣло Мирославчиковъ, и послѣ распушенія Земледѣльческаго общества протянули имъ руку; они пытались также, на похоронахъ Фіалковскаго, брататься съ крестьянами; однимъ словомъ, „бѣлые“ хотѣли играть роль мартышки, въ баснѣ, таскавшей изъ огня печенье каштаны кошачьими лапами, но ошиблись въ расчетахъ—вмѣсто кошки они встрѣтили тигра, который разъ лизнувъ крови, хотѣлъ видѣть кровь повсюду. „Краснымъ“ нужны были кинжалы, револьверы, рѣзвиза, а не мечтанія и разглагольствованія. Это чувство нашло отголосокъ между буйнымъ, празднымъ, малоспособнымъ къ труду или не желавшимъ работать ремесленнымъ людомъ Варшавы; „бѣлые“ стерлись, какъ бы ихъ не бывало, и тутъ не помогли имена Замойскихъ, Кронеберговъ и даже маркиза Велепольскаго.

Хотя послѣдній дѣйствовалъ на нашихъ глазахъ, но мнѣнія о немъ необыкновенно различны: одни считаютъ его Конрадомъ Валенродомъ; другіе видятъ въ немъ жертву преданности русскому правительству. По словамъ Н. В. Берга, въ Петербургѣ маркизь „пѣлъ какъ сирена“,²⁾ тогда какъ въ замѣткахъ на эту главу лица, повидимому, близко знакомаго съ совершившимися событіями, находимъ слѣдующее: „Сирена поетъ, чтобъ обмануть и втянуть въ погибель. Маркизь же Велепольскій, олицетворенная честность, могъ обманываться,

¹⁾ Тышкевичъ: *Ecrits sur la Pologne*, стр. 71, 72 и 73. цитируемая Моллеромъ.

²⁾ «Русскій Архивъ» № 7, 1873 года, стр. 1283.

но никого никогда не обманывалъ. Онъ точно былъ полякъ, никогда не прикидывался русскимъ и надѣялся спасти Польшу поляками и тѣмъ ее переродить. Это мысль честная, хотя, какъ опытъ показалъ, къ несчастію, неисполнимая“.¹⁾

Маркизъ Велепольскій, представляя себѣ положеніе Польши совершенно въ иномъ видѣ, нежели оно было въ дѣйствительности, мечталъ о примиреніи „враждебныхъ издавна двухъ славянскихъ племенъ“, но въ дѣйствительности изъ этихъ соперниковъ былъ только одинъ—сильная и могучая Россія; вмѣсто же Польши, говоря словами ея собственныхъ сновъ, былъ „трупъ, лежавшій во гробѣ“; душа же этого трупа питалась матажами, кровопролитіями и всеобщими бѣдствіями, являясь всюду, передъ ихъ наступленіемъ, какъ зловѣщая птица передъ бурей.

Владиславъ Мицкевичъ обрисовываетъ Велепольскаго слѣдующими характеристическими чертами.²⁾

„Маркизъ Велепольскій былъ большой баринъ (grand seigneur), человѣкъ способный и съ твердымъ характеромъ, но высокохвальный, самонадѣянный и въ особенности доктринеръ, т. е. ставившій свои теории выше общественнаго чувства. Онъ желалъ, чтобы Польша имѣла искусство отказаться отъ своей самобытности для того, чтобы приобрести довѣріе Россіи и потомъ взять надъ ней верхъ своимъ развитіемъ и просвѣщеніемъ, какъ Греки подчинили себѣ Римлянъ. Этотъ макиавелизмъ упадающихъ государствъ, противорѣчившій преданіямъ и надеждамъ Поляковъ, возмутилъ чувство справедливости націи, и потому вообще не обращено было никакого вниманія на полезныя, въ сущности, преобразованія, введенныя въ народное обученіе и отправленіе правосудія; всѣ боялись, принимая ихъ, принести въ жертву нѣкоторымъ внутреннимъ улучшеніямъ политическую независимость. И хотя Велепольскій былъ видимымъ олицетвореніемъ общественнаго консерватизма и этимъ нравился большимъ собственникамъ, но они держались въ сторонѣ отъ него, не желая казаться сообщниками маркиза въ дѣлѣ отдѣленія судьбы Польши отъ ея давнихъ литовскихъ и русскихъ провинцій“.³⁾

¹⁾ Ibid, стр. 1346.

²⁾ Histoire populaire de Pologne, стр. 592.

³⁾ Это обвиненіе составляетъ дѣйствительную заслугу Велепольскаго: въ самомъ дѣлѣ, не есть-ли заслуга со стороны Велепольскаго, хотя бы то, что онъ не раздѣлялъ бредней пановъ-мечтателей о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 г. и въ то время, когда многіе изъ русскихъ, даже изъ коренныхъ русскихъ, престоудно полагали, что Литва и Волынь—Польша. Велепольскій съ неуклонною рѣшимостью отдѣлялъ судьбу Польши отъ западныхъ и югозападныхъ исконныхъ областей російской имперіи.

1-го (13) іюня 1862 года, какъ мы уже знаемъ, прибылъ Велепольскій въ Варшаву.

9-го (21) іюня 1862 года Велепольскій, какъ начальникъ гражданскаго управленія, произнесъ рѣчь въ комисіи внутреннихъ дѣлъ. Онъ говорилъ объ устройствѣ быта крестьянъ, долженствующаго служить основаніемъ для будущихъ преобразованій; объ улучшеніи торговли, земледѣлія и народнаго образованія.

Между тѣмъ изъ Петербурга была отправлена 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и гвардейская конная бригада¹⁾. Имена и обмундированіе прибывавшихъ изъ Петербурга въ Варшаву полковъ: лейб-гвардіи Литовскаго, Волынскаго, Уланскаго Его Величества и Гродненскаго гусарскаго, могли бы напомнить полякамъ лучшее время существованія Царства Польскаго при великомъ князѣ Константѣ Павловичѣ. Уланскій полкъ, при отправленіи изъ Петербурга, сыгралъ свой полковой маршъ, когда-то маршъ польскихъ легіонеровъ:

*Jeszcze Polska nie zginęła, rdki my zyjemy*²⁾

(Польша не погибла, пока живемъ мы).

Желтый и малиновые цвѣта, преобладавшіе въ обмундированіи бывшихъ войскъ, должны были бы льстить національной гордости Поляковъ, если бы они тогда находились въ Варшавѣ вмѣсто Мирославчиковъ, недозволявшихъ пивнуть населенію всей страны, и это стало было въ распоряженіи „красныхъ“ (?), не имѣя ни смысла, ни убѣжденія, ни мужества сбросить съ себя власть злаго духа.

Весело и беззаботно вступилъ въ Варшаву гвардейскій отрядъ: имъ командовалъ благородный, сѣдовласый, состарѣвшійся въ рядахъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-адъютантъ баронъ Павелъ Ивановичъ Корфъ. Онъ зналъ прежнюю Варшаву, время великаго князя Константина Павловича, видѣлъ близко революцію 1830 года, находился ординарцемъ при фельдмаршалѣ Дибичѣ въ день Гроховскаго сраженія, и, главное, былъ отличный человекъ и превосходный начальникъ, старавшійся о каждомъ замолвить доброе слово и помочь въ бѣдѣ и несчастіи. Миръ праху его! онъ одинаково былъ любимъ

¹⁾ Авторъ нѣсколько ошибается въ приводимыхъ имъ фактахъ: по справкѣ нами сдѣланной, оказывается, что пѣхота прибыла изъ Петербурга не въ іюль, а въ концѣ сентября мѣсяца 1862 г., конная же бригада лишь въ февралѣ 1863 года. Ред.

²⁾ Пѣсня эта сочинена въ 1806 году по случаю вступленія польскихъ легіонеровъ въ Варшаву; она оканчивается двумя стихами:

*Mówi Macek do swei Basi, sam wes zapłakany:
Patrzaj Basia, to są nasi, bijąc w tarabany.*

(Разревѣвшійся Матюша говоритъ своей Варѣ: посмотри, Варя, вѣдь это наши, бьющіе въ барабаны). Авт.

и уважаемъ—какъ своими прямыми подчиненными, такъ и всѣми, бывшими подъ его начальствомъ.

Несмотря на рѣчи и обѣщанія Велепольскаго и на оглашеніе различныхъ льготъ, „красные“ сразу поняли, что они исключены изъ нихъ, потому что составляли собою межеумокъ, забытый маркизомъ.

Пѣніе, или вѣрнѣе сказать, ревъ патріотическихъ гимновъ передъ костелами и въ костелахъ, опять пошли своимъ чередомъ¹⁾; будущіе повстанцы считали ихъ геройствомъ, какъ можно судить по слѣдующему описанію:²⁾

„Манifestація въ Варшавѣ имѣли совершенно особенный характеръ. Въ продолженіе предшествовавшихъ вѣковъ дѣло шло о какомъ-нибудь отдѣльномъ человѣкѣ, который, несмотря ни на какія мученія, отваживался исповѣдывать истину; теперь же, въ первый разъ, цѣлая масса людей поднялась до этой нравственной высоты. На площадяхъ, освященныхъ столькими недавними мученичествами, толпа, только что вышедшая изъ темницъ, въ виду русскихъ мундировъ, не позволявшихъ на минуту забывать будущее отмщеніе, исповѣдывалась въ одной мысли, счастливая чувствомъ единодушія, послѣ долгаго молчанія; вся проникнутая однимъ восторгомъ, потому что всѣ готовы были умереть на мѣстѣ.

„Изъ толпы раздавалось пѣніе молитвъ: сто тысячъ (!?) голосовъ молили Бога ниспослать родинѣ свободу. Холодные сердца тронулись: жида почувствовали необходимость жертвовать собою для христіанъ и, дѣло невиданное, жида массами пошли молиться въ церквахъ, а христіане—въ синагогахъ. Лютеранскіе пасторы сопровождали процесіи, смѣшиваясь съ католическими священниками.

„Тогда высказались вполне — ничтожность силы матеріальной и величіе самопожертванія. Самое тиранское угнетеніе не помѣшало открытому союзу дѣтей раздѣленной отчизны. Оружіе дрожало въ рукахъ палачей, ихъ умъ помутился, они стыдились своей роли, передъ колѣнопреклоненными жертвами. Это былъ „свѣтъ отъ свѣтовъ“, озарившій издалека политическую ночь. Каждый полякъ могъ отчасти увидѣть будущее и понять восторженность общаго политическаго настроенія.

„Польша достигла этого величія долгимъ и таинственнымъ, неизвѣстнымъ для свѣта, трудомъ. Она снизошла въ бездны,³⁾ гдѣ вырабатывается нравственная сила и откуда, по волѣ Божіей, она ри-

¹⁾ Авторъ ошибается: лѣтомъ и осенью 1862 года пѣнія въ костелахъ не было.

²⁾ Histoire populaire стр. 379.

³⁾ Повтореніе словъ Мицкевича-отца.

нулась, какъ неодолимое изверженіе. Если стѣны Іерихона пали отъ трубнаго звука Левитовъ, стѣны Варшавской цитадели дрожали во время народныхъ молитвъ“.

Читая теперь эту возвышенную чепуху, нельзя не засмѣяться отъ чистаго сердца; но тогда она выражала общее настроеніе поляковъ и лицъ имъ сочувствовавшихъ въ Европѣ. Въ описаніи особенно забавны „тираны, съ оружіемъ въ дрожащихъ рукахъ“. Вѣроятно Мицкевичъ-сынъ разумѣлъ подъ этимъ растерявшихся полицейскихъ, которые являлись на манифестаціи, не прочитавъ приказовъ о военномъ положеніи, и тѣхъ безстрашныхъ предводителей войскъ, которые кричали и горячились въ виду совершавшагося буйства до тѣхъ поръ, пока изъ толпы подавали имъ стаканъ воды.¹⁾

Велепольскій началъ окружать себя польскими чиновниками, включая изъ службы почти всѣхъ русскихъ; онъ надѣялся преобразовать Польшу, согласно убѣжденію, высказанному имъ князю Меттерниху, по поводу Галиційской рѣзни въ 1846 году, „сохраняя твердость противъ разрушителей во имя анархіи, какъ и разрушителей во имя власти“,²⁾ то есть, говоря другими словами: возстановить, во чтобы ни стало, старую Польшу.³⁾

Велепольскій, подобно врачу-теоретику, пробовалъ дѣйствіе новаго лекарства надъ не излечимо-больною Польшею.

Политика маркиза обрисовывается словами, что „въ 1862 году онъ надѣялся достигнуть автономіи Польши силою ея перерожденнаго дворянства“.⁴⁾

Эти попытки и борьбу на смерть демократіи съ аристократіею предсказалъ поэтъ графъ Красинскій еще въ 1834 году. У него надменный графъ такъ говоритъ съ народнымъ трибуномъ Панкратіемъ:

«Ты не поймешь меня, потому что всѣ отцы твои погребены въ общей могилѣ, какъ вещи мертвыя, а не какъ люди съ силою и волею. (*Поднимаетъ руку къ портретамъ*). Взгляни на эти изображенія. Идея отчизны, родного дома, семьи,—идея, которую такъ ненавидишь, написана морщинами на члѣ ихъ, а все, что въ нихъ было и прошло—живетъ во мнѣ. Скажи мнѣ, однако, человѣкъ, гдѣ же земля твоя? Ты разбиваешь вечеромъ паветъ свой на развалинахъ чужаго дома, а на утро снимаешь паветъ и кочуешь дальше; ты, до сихъ поръ не нашелъ своего дома и до тѣхъ поръ не найдешь его, пока хоть сто человѣкъ захотятъ повторить вмѣстѣ со мною: «честь отцамъ нашимъ!»

¹⁾ Н. В. Бергъ, стр. 345.

²⁾ Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich, p. 26, письмо это цитируется Моллеромъ на стр. 247.

Авт.

³⁾ То есть съ правами 1815 г.

Ред.

⁴⁾ Моллеръ, стр. 270.

Панкратій.

«Такъ, хвала твоимъ дѣдамъ на землѣ и въ небѣ!... Дѣйствительно, есть на что посмотреть (*Оглядываютъ портреты*). Этотъ панъ староста разстрѣливалъ бабъ на деревьяхъ и жарилъ живьемъ жидовъ; а тотъ, съ печатью въ руцѣ и подписью: «канцлеръ», поддѣлалъ акты, сжегъ архивы, подкупалъ судей, ускорилъ отравленіемъ приходившіяся наслѣдства;—отъ него ты имѣешь свои деревни, доходи, значеніе; или тотъ брѣжеть, съ огненными глазами, отбивалъ женъ у своихъ пріятелей; а вотъ, съ орденомъ Золотого Руна и въ итальянской кольчугѣ, вѣрно служилъ чужеземцамъ; а та блѣдная пани, съ темными локонами, забывала стыдъ съ своимъ лакеемъ; эта—читаетъ письмо любовника и съ усмѣшкою ожидаетъ приближающуюся ночь; та—въ робронѣ, съ собачкою на рукахъ, была королевскою наложницей!.. Вотъ ваше родословіе, безъ перерыву, безъ пятна! Мнѣ больше правится этотъ панъ въ зеленомъ кафтанѣ: онъ плѣз и охотился съ бральями-шляхтою, а мужиковъ высылалъ съ собаками, чтобы гнали оленя. Глупость и бѣдствіе дѣлага края—вотъ ваши разумъ и сила. Но близится день суда, и обещаю вамъ, что въ этотъ день не забуду никого изъ васъ, ни одного изъ отцовъ вашихъ, ни одной похвалы вашей». ¹⁾

Программа, которую открыто высказалъ относительно своихъ дѣйствій въ Польшѣ Велепольскій—и которой намѣревался слѣдовать, состояла въ слѣдующемъ:

1) Устранить, на всемъ пространствѣ Царства Польскаго, вліяніе русскаго элемента. 2) Повсюду провести польское начало. 3) Заменить во всѣхъ отрасляхъ народнаго образованія, правительственный русскій контроль—надзоромъ польскаго духовенства. 4) Образование малолѣтнихъ дѣвицъ поручить духовнымъ конгрегаціямъ и религиознымъ католическимъ братствамъ. ²⁾

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ предполагалъ выѣхать изъ Петербурга въ Варшаву, въ іюль или августѣ 1862 г.; выѣздъ ускорился вслѣдствіе покушенія на жизнь Лидерса. Выстрѣлъ послѣдовалъ въ пятницу утромъ 15-го

¹⁾ «Небожественная комедія»—Сигизмунда Красинскаго.

²⁾ Нельзя не признать того факта, что первые два пункта этой программы находили полное сочувствіе въ громадномъ большинствѣ русскаго образованнаго общества, но опять таки лишь до разгара мятежа 1863 г. въ Царствѣ. Прямымъ свѣдѣніемъ, образованное русское общество съ удовольствіемъ увидѣло бы въ 1862 г. политическое бытіе Польши, устроенное на тѣхъ же началахъ, на какихъ оно дано Финляндіи. Что такой взглядъ по отношенію къ Польшѣ былъ ошибоченъ, что осуществленіе этого взгляда быть можетъ повело бы къ инымъ послѣдствіямъ, нежели какихъ ожидали представители русскаго общества, все это такъ, но мы указываемъ на фактъ, существованіе котораго нельзя отрицать, а потому едва ли справедливо винить поляка Велепольскаго въ томъ, что онъ раздѣлялъ заблужденіе русскіихъ.

(27) іюня; извѣстіе о томъ получено Государемъ Императоромъ въ тотъ же день къ обѣду, а въ тотъ же вечеръ было рѣшено, что Его Императорское Высочество отправляется въ Варшаву, во вторникъ утромъ, 19-го іюня, (1-го іюля).¹⁾

Эта рѣшимость, полная самоотверженія, была послѣднею мѣрою снисхожденія полякамъ, послѣднею попыткою высшей власти умирить кротостію до глубины взволнованный край, и этотъ подвигъ самоотверженія, на память вѣкамъ, исторія занесетъ на свои страницы.

Если бы Варшава была прежняя веселая, разгульная Варшава—эта Капуя русскаго войска, Варшава, похожая на свой гербъ—Сирену, съ мечомъ и щитомъ,—она пришла бы въ восторгъ отъ одного извѣстія, что будетъ резиденціею Царскаго Брата, теперешняго Намѣстника. Варшавяне и Варшавянки любятъ власть, окруженную величіемъ, у нихъ есть даже слово, равнозначительное французскому: „prestige—okazalosc... Но Варшава была какъ бы въ летаргій, потому что въ ней хозяйничали невѣдомые пришельцы, настоятельно запрещающіе изъясненіе каждаго народнаго чувства, каждый проблескъ веселости; на край наложенъ былъ трауръ до совершеннаго возстанія Польши.²⁾

Революціонеры, видѣвшіе что попытка на жизнь графа Лидера не только не замедлила, но еще ускорила пріѣздъ въ Варшаву Августѣйшаго Намѣстника, рѣшились на тягчайшее преступленіе, рассчитывая, что правительство откажется отъ мысли о примиреніи и перейдетъ къ крайнимъ даже, по ихъ мнѣнію, мѣрамъ.

Изъ числа присягнувшихъ революціонному ржонду, выбраны были двое—Родовичъ и Ярошинскій, оба занимавшіеся портняжнымъ мастерствомъ. Будучи плохими работниками, они тѣмъ усердіемъ посѣщали шинки и пивныя лавки, гдѣ собирались подонки варшавскаго населенія. Записавшись въ народное ополченіе и попивая даровое пиво и водку „Гарибальдувеку“³⁾ они пришли къ убѣжденію, что лучше служить „дѣлу отчизны“—по примѣру сапожниковъ Килинскаго и Гишпанскаго,—чѣмъ сидѣть за верстакомъ, и предоставили себя въ распоряженіе организаторовъ народной sprawy. Одинъ изъ главныхъ вербовщиковъ Хмеленскій „въ день пріѣзда Великаго Князя сказалъ имъ, что черезъ нѣсколько часовъ пріѣдетъ въ Варшаву новый Намѣстникъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, и убить надо его, а не Велепольскаго; впрочемъ, если подвернется

¹⁾ Запѣтки на статью Н. Берга въ № 7 «Р. А.» 1873 г.

²⁾ См. литанію въ концѣ главы.

³⁾ Такъ называлась водка съ портретомъ Гарибальди на бутылкахъ. Авт.

подъ руку Веленельскій, послѣ того, какъ Князь будетъ убитъ, то не мѣшаетъ убитъ и его; но объ этомъ не думать, а думать объ одномъ Великомъ Князѣ, и постараться убитъ его тотчасъ, по выходѣ изъ вагона, лишь только онъ ступитъ на землю Варшавы“. ¹⁾

Всѣ обстоятельства прїѣзда Великаго Князя разсказаны у Н. В. Берга весьма вѣрно, но описаніе самого покушенія полно важныхъ ошибокъ и неточностей. Вообще разсказъ весьма сбивчивъ, по случаю приведенія чиселъ, то по новому, то по старому стилямъ: такъ выстрѣлъ по Лидерсу показанъ 27-го іюня новаго стиля, а прїѣздъ Великаго Князя послѣдовалъ 20-го іюня стараго стиля. Мы всюду приводимъ числа по старому и новому стилямъ.

Родовичъ и Ярошинскій, по словамъ Н. В. Берга, получили отъ Хмеленскаго, кромѣ револьверовъ, по „небольшому“ кинжалу, тогда какъ кинжалы были „пальца въ три ширины и около полуфута длины“. ²⁾

Убийцы, вечеромъ, 21-го іюня (3-го іюля) ³⁾ „проникли въ корридоръ, или крытый ходъ, ведущій, внутри театральнаго зданія, съ Вержбовой улицы въ подъѣзду Намѣстника“; но подъѣздъ Намѣстника находится не въ крытомъ корридорѣ или ходѣ, а въ крытомъ дворѣ, въ который вѣзжаютъ съ Вержбовой улицы черезъ ворота и открытый дворъ. Хотя послѣ прїѣзда Намѣстника ворота бывають обыкновенно затворены, но во внутренніе дворы можно пройти: черезъ двери изъ гастрономическаго магазина Гера (теперь Бокета); черезъ корридоръ, гдѣ входятъ въ Малый театръ и редутовыя залы; по лѣстницѣ съ Вержбовой улицы и черезъ Малый театръ; черезъ кондитерскую (бывшую) Лурса и наконецъ изъ Большаго театра. Полиція находилась у наружныхъ воротъ съ Вержбовой улицы, оставивъ безъ наблюденія остальные входы, что и позволило проникнуть въ крытый дворъ къ самому подъѣзду толпѣ человекъ въ тридцать, которые, ни въ какомъ случаѣ, не должны были тутъ находиться. Это происходило отъ ротозѣйства и ненаходчивости полиціи, а отнюдь не потому, что „полиціи столько внушалось въ это время быть какъ можно учтивѣе съ народомъ, что она боялась каждаго лишняго шага, какъ Богъ знаетъ чего“. ⁴⁾

Эта боязнь, какъ уже видѣлъ читатель, была хроническою болѣзнію варшавской полиціи во все время смутъ, теперь она сдѣлалась бдительною и эта перемѣна напоминаетъ толкованіе пословицы,

¹⁾ Н. В. Бергъ.

²⁾ Замѣчанія на статью Н. В. Берга. «Р. А.». № 7, 1873 г.

³⁾ Н. В. Бергъ.

⁴⁾ Н. В. Бергъ.

что „русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ“, именно: мужикъ увидѣлъ во снѣ кашу, но не имѣлъ ложки; чтобы ѣсть кашу, на другую ночь положилъ ложку подъ изголовье и не видалъ каши.

„Обстоятельства покушенія на Великаго Князя (какъ говоритъ авторъ замѣтокъ на статью Н. В. Берга) описаны (Бергомъ) вообще довольно вѣрно, не справедливо только то, что сказано въ примѣчаніи. Именно, будто Великаго Князя перенесли въ комнату за ложей. Его Высочество отъ выстрѣла не упалъ, самъ вышелъ изъ коляски, самъ взшелъ по лѣстницѣ въ комнату за ложей, самъ растегнулся, осмотрѣлъ рану и при этомъ нашелъ пулю, которая, завернувшись за потянутую за собой канитель эсплета, повисла на шнурѣ лорнетки Великаго Князя“...

Страшное и бессмысленное злодѣйство возмутило всѣхъ, сколько-нибудь честныхъ и порядочныхъ людей, но они были бессильны противу революціоннаго терора. Архіепископъ варшавскій вспомнилъ свои обязанности, и съ амвона проклиналъ злодѣевъ. Велепольскій, 28-го іюня 1862 г., произнесъ „громовую рѣчь“, ¹⁾ въ которой упрекаетъ революціонеровъ въ посягательствѣ на жизнь Великаго Князя.

По окончаніи слѣдствія надъ Ярошинскимъ, онъ былъ, по приказанію Намѣстника, преданъ полевому военному суду, потому что „Его Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ всегда поборникомъ публичности суда и воспользовался тогдашнею своею властію главнокомандующаго, чтобы, на основаніи существовавшей, но никогда еще не примѣнявшейся статьи полевого военносуднаго положенія, назначать надъ убійцами судъ публичный, при открытыхъ для всѣхъ дверяхъ, дабы все было чисто, открыто и безъ всякой тайны“.

Судъ со всею торжественностію происходилъ 2-го (14) августа 1862 г. въ залѣ такъ называемаго палаца Паца. на Медовой улицѣ; но, говоря откровенно, не произвелъ на публику ожидаемаго впечатлѣнія. По тогдашней непривычкѣ нашей къ гласному судопроизводству, при неумѣлости нашихъ, вообще молчаливыхъ аудиторовъ, главный обвинитель чуть не былъ сбитъ съ толку защитниками изъ мѣстныхъ адвокатовъ, привыкшихъ къ публичной защитѣ въ судахъ своихъ. Публика, въ числѣ которой находились сообщники и единомышленники Ярошинскаго, вела себя не довольно прилично.

¹⁾ Здѣсь, очевидно, у Н. В. Берга обмолвка: на стр. 1297 онъ говоритъ, что Великій Князь пріѣхалъ въ Варшаву 20-го іюня ст. стили; покушеніе послѣдовало 21-го іюня ст. стили, а рѣчь Велепольскаго будто произнесена 28-го іюня новаго стили (стр. 1302, примѣчанія), т. е. 16-го іюня стараго стили, т. е. четырьмя днями до пріѣзда Его Высочества въ Варшаву. **Авт.**

Велепольскій также былъ отмѣченъ въ числѣ первыхъ жертвъ: примѣромъ его „красные“ хотѣли утратить и сдѣлать невозможными примирительныя намѣренія правительства. Только чудомъ, лично неустрашимостью и присутствіемъ духа обязанъ онъ своимъ спасеніемъ. Безпутный литографъ Рылла, 26-го іюля (7-го августа) 1862 г., съ револьверомъ въ рукахъ, загородилъ ему дорогу при входѣ въ зданіе Банка, но увидя поднятую надъ собою палку и грозную колоссальную фигуру Велепольскаго, выстрѣлилъ на воздухъ, бросился бѣжать, отмахиваясь револьверомъ отъ преслѣдовавшихъ, и былъ схваченъ сторожемъ послѣднихъ воротъ, выходящихъ на Электоральную улицу.

Публичный судъ надъ Ярошинскимъ, своею „раздражающею“¹⁾ обстановкою, вдохнулъ рѣшеніе, присутствовавшему въ палацѣ Паца, сообщнику Рылла, тоже литографу — Ржондцѣ (произносится почти какъ Жонцѣ), на другой день напасть два раза въ „аллеяхъ“²⁾ на Велепольскаго, ѣхавшаго въ коляскѣ въ Бельведерскій дворецъ, гдѣ съ семействомъ жилъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ.³⁾

Послѣ этого Велепольскій ѣздилъ съ конвоемъ изъ жандармовъ.

Такимъ образомъ реформы еще не начались, а Велепольскій, ругавшійся въ Петербургѣ за близкое умиротвореніе Польши, уже былъ вынужденъ ѣздить въ каретѣ съ конвоемъ изъ жандармовъ.

9-го (21) августа казненъ Ярошинскій; 14-го (26) — Рылла и Ржондца; уцѣлѣвшіе соумышленники причли ихъ къ лику мучениковъ за отчизну; служили по нимъ панихиды; а для возвѣщенія о панихидѣ по Ярошинскомъ даже наклеили на стѣнахъ домовъ объявленія, которыя полиція добродушно содрала, не задержавъ ни одного виновнаго. Мужчины и женщины долго послѣ носили въ бумажникахъ и портъ-монетахъ кусочки веревки, на которой будто бы былъ повѣшенъ Ярошинскій.

Въ описаніи казни Ярошинскаго, Н. В. Бергъ называлъ, навозную дробянку, „особаго фасона телѣгою въ одну лошадь“; во время самой казни, по его же словамъ: „играла печальная музыка“. Надобно сказать, что при экзекуціяхъ вовсе не бываетъ музыки, а только горнисты и барабанщики, бьющіе такъ называемую „дробь“. Вообще это описаніе слишкомъ подробно для такого негодая, какъ Ярошинскій, и имѣетъ романическій характеръ.

¹⁾ Н. В. Бергъ.

²⁾ Улица, ведущая отъ площади трехъ крестовъ къ Бельведеру.

³⁾ Авторъ «замѣтокъ» исправляетъ ошибку г. Берга, два раза говорящаго, что Велепольскій жилъ въ Бельведерѣ, тогда какъ онъ оставался въ Брюловскомъ дворцѣ и ѣздилъ съ докладами въ Бельведеръ.

Эти катастрофы и прямиа ихъ послѣдствія — неизбежныя казни не остановили исполненіе плана Велепольскаго и не ослабили надеждъ его спасти Польшу поляками. Съ этою цѣлю началась административная ломка и измѣненіе состава чиновниковъ; всѣхъ русскихъ, Велепольскій замѣнилъ польскими чиновниками, которые не могли и не хотѣли быть исполнителями благихъ мѣръ правительства. Замѣна шла необыкновенно быстро, такъ что на 15,500 служащихъ, осталось не болѣе 120 русскихъ. ¹⁾

Выборъ въ архіепископы Фелияскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, занявшихъ важныя посты въ управленіи царства, показалъ что Велепольскій не всегда вѣрно оцѣнивалъ людей.

Перемѣны и обѣщанія преобразованія расшевелили консерваторъ-демократовъ, считавшихся въ тридцатыхъ годахъ „красными“, но отъ времени они выцѣбли и потомъ окончателно полиняли, такъ что не могли идти въ сравненіе съ „гражданами Мирославскаго (hommes de mouvement)“.

Польская народно-аристократическая партія, съ Андреемъ Замойскимъ во главѣ, не устояла противъ революціонеровъ и уронила себя въ мнѣніи правительства неслыханнымъ поступкомъ. По случаю покушенія на жизнь Великаго Князя Константина Николаевича, избранные отъ всѣхъ уѣздовъ Царства Польскаго составили и подписали адресъ, но, по настоянію Андрея Замойскаго, въ угоду „краснымъ“, адресъ былъ замѣненъ какимъ-то двусмысленнымъ, почти неприличнымъ заявленіемъ. Пріятель и корнакъ Замойскаго — Янковскій, ожидалъ, что „графъ Андрей“ будетъ за это сосланъ въ Сибирь, о чемъ онъ и писалъ Чарторижскому; но Андрей Замойскій былъ только высланъ за границу, гдѣ присталъ къ партіи Чарторижскаго.

Іюньскія событія въ Варшавѣ 1862 г. были весьма важны: Августѣйшій Братъ Государя Императора, презирая опасность, показалъ высокой примѣръ мужества и самоотверженія, явившись въ средѣ до глубины возмущеннаго польскаго общества. Выстрѣлъ убійцы встречаетъ его въ Варшавѣ, и только Богъ спасъ его отъ вѣрной смерти, послѣ выстрѣла въ упоръ изъ револьвера, пробивавшаго на сто шаговъ дюймовую доску. И это не останавливаетъ Августѣйшаго Намѣстника на избранномъ пути примиренія края съ Россією. Онъ не лишаетъ Велепольскаго — развѣ оказаннаго ему довѣрія, но обстоятельства уже начали высказываться противъ всѣхъ надеждъ и ожиданій маркиза.

¹⁾ Моллеръ, стр. 246.

Велепольскій также принимаетъ вызовъ противной партіи и нѣ-которое время борется съ нею, совершенно одинъ, потому что передъ нимъ была новая, совершенно невѣдомая ему Польша, а въ старыхъ Полякахъ для него не было сочувствія; эта борьба дѣлаетъ честь настойчивости, но не проницательности Велепольскаго. Онъ достоинъ участія.

Но за то варшавское общество, эта самопожирающая амфибія, несмотря на прибытіе новыхъ лицъ, осталась вѣрна своему характеру. Камергеры и камеръ-юнкеры, шталмейстеры и гофмаршалы, — польскаго происхожденія, — отъ юности и до старости гранившие Варшавскую мостовую, радовались, что послѣ долгаго отсутствія въ Варшавѣ будетъ настоящій дворецъ; вслѣдствіе этого въ Петербургъ полетѣли заказы новыхъ мундировъ и новыхъ пироговъ (треугольных шляпъ), потому что прежніе были порядочно позатасканы. Грозный Паскевичъ требовалъ, чтобы эти „придворные“ являлись къ нему очень часто въ своихъ мундирахъ, но потомъ они надѣвались довольно рѣдко; престарѣлые члены государственнаго совѣта, сената, правительственныхъ комисій выползли на Божій свѣтъ для того, чтобы принять львиную долю въ предполагавшихся назначеніяхъ. Они надѣялись прославиться въ исторіи Польши, какъ Любецкій, Сташицъ, Губе....

Русско-польскій кружокъ, увеличенный (уволенными по дѣйствительной неспособости) мелкими сановниками и крупными чиновниками, за глаза ворчалъ противу Велепольскаго, но въ глаза кланялся, улыбался и льстилъ ему. Все однако заводновалось: старья дѣвы примѣряли длинныя придворныя платья и надѣялись тряхнуть стариною, показать, что онѣ вполне усвоили варшавскій шикъ. Молодые нахалы — ихъ братцы — гордо заламывали головы, думая что наступилъ часъ ихъ; однимъ словомъ — этотъ нетрудолюбивый мурaveйникъ закипился и показалъ необыкновенную дѣятельность....

Очевидецъ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Пилигримская лѣтанія.

Kyrie eleison. Chryste eleison.

Боже Отче, выведшій народъ твой изъ неволи египетской и подворившій его въ обѣтованной землѣ —

Возврати насъ въ отчизну нашу.

Сынъ Божій Искупитель, замученный и распятый, воскресшій и царствующій во славу —

Воскреси изъ мертвыхъ отчизну нашу.

Божія Матерь, которую отцы наши называли королевой Польши и Литвы —
Избавь Польшу и Литву.

Святой Станиславъ, покровитель Польши —

Молись за насъ.

Святой Иосафатъ, покровитель Руси —

Молись за насъ.

Всѣ святые покровители нашей республики —

Молитесь за насъ.

Отъ неволи Московской, Австрійской и Прусской —

Избавь насъ Господи.

За мученичество тридцати тысячъ Барскихъ рыцарей, легшихъ за вѣру и вольность —

Спаси насъ Господи.

За мученичество литовской молодежи, забитыхъ палками и умершихъ въ рудникахъ и въ изгнаніи —

Спаси насъ Господи.

За мученичество Опшмянскихъ жителей, вырѣзанныхъ въ Божіихъ востелахъ и домахъ —

Спаси насъ Господи.

За мученичество солдатъ, перебитыхъ въ Вишау Пруссаками —

Спаси насъ Господи.

За мученичество солдатъ, засѣченныхъ кнутами отъ Москалей въ Кронштадтѣ —

Спаси насъ Господи.

За раны, слезы и страданія всѣхъ невольниковъ, изгнанниковъ и пилигримовъ польскихъ —

Спаси насъ Господи.

О всеобщей войнѣ за вольность народовъ —

Просимъ тебя, Господи.

За оружіе и орлы народныя —

Просимъ тебя, Господи.

О счастливой смерти на полѣ битвы —

Просимъ тебя, Господи.

О гробѣ для костей нашихъ въ родной землѣ —
 Просимъ тебя, Господи.
 О независимости, дѣлности и вольности для отчизны нашей —
 Просимъ тебя, Господи,
 Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.)

II.

Отзывъ Поляка о соч. Мицкевича.

Вотъ что говорить о сочиненіи Мицкевича «Книги пилигримства Польскаго народа» одинъ изъ лучшихъ польскихъ критиковъ и писателей Винцентій Подъ въ своихъ лекціяхъ о польской литературѣ XIX столѣтія (Pamiętnik Wincentego Pola do literatury polskiej XIX wieku. Lwow. 1866 г. Стр 233).

«Мицкевичъ былъ друженъ съ французскими писателями Мишле и Кине, и всѣ они трое работали на одномъ поприщѣ; такъ что ихъ три изображенія вычеканены на медали въ память ихъ духовной пріязни и непризнанныхъ трудовъ для блага человѣчества.

«Книги народа и паломничества (pielgrzymstwa) польскаго», написанныя Мицкевичемъ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя (за исключеніемъ извѣстныхъ богослужебныхъ книгъ и евангелія) можетъ быть когда-либо появлялись въ столькихъ изданіяхъ и экземплярахъ, и такъ были всюду распространены. Кажется, что все существенное въ этихъ книгахъ принялъ народъ, узналъ и усвоилъ. Но да позволено будетъ мнѣ, при всемъ уваженіи къ великому гению, сказать, что надобно было давать лекарство соотвѣтственно болѣзни... Все сказанное Мицкевичемъ вовсе не было практическими соображеніями политическаго человѣка: поэтъ не замѣнилъ государственнаго мужа... Трудно, чтобы поэзія разрѣшала политическіе вопросы. Умы всѣхъ были восхищены наиболѣе формою изложенія, библейскимъ и апокалипсическимъ языкомъ, который съ тѣхъ поръ введенъ въ нашу литературу и преимущественно въ нашу поэзію.

III.

Пинчовъ — родовое помѣстье маркизовъ Велепольскихъ.

Пинчовъ — городъ въ уѣздѣ Стобницкомъ, Келецкой губерніи, на лѣвомъ берегу рѣки Ниды, въ 28-ми верстахъ къ юго-востоку отъ Буска, знаменитаго своими сѣрными источниками. Зданія въ немъ, по большей части, каменные — изъ мѣстнаго песчаника. Въ Пинчовѣ существовало два монастыря; посреди площади фонтанъ, бьющій на девять локтей въ вышину; жителей 4 т. Пинчовъ ведетъ значительную торговлю венгерскими винами.

Пинчовъ принадлежалъ фамиліи Олесницкихъ; изъ нихъ Збигнѣвъ, славный во времена Ягеллы епископъ краковскій, построилъ востель, монастырь Паулиновъ и замокъ изъ тесаваго камня. Племянникъ его, Якубъ Севиньскій, въ 1461 году, противъ воли Казимира IV, посвященный въ пинчовскомъ замкѣ въ епископы краковскіе, былъ окруженъ королевскимъ войскомъ и една успѣлъ спастись. Во время Сигизмунда-Августа, когда край наполнился исповѣдую-

*) Полное собраніе сочиненій Мицкевича, т. VI. стр. 233 — 235.

щими различныя религіи, Олесницкій далъ убѣжище, въ 1550 г. послѣдователю Цвинглия—Франциску Станкару и его сектъ, которая учредила школы, и, какъ число послѣдователей Цвинглия постепенно увеличивалось, то въ 1555 г. они, вмѣстѣ съ единовѣрцами изъ Моравіи и Чехіи, собрали первый въ Польшѣ синодъ и постановили на немъ гимны, обряды и церковную службу. Тогда же ученье: Янъ Ласки, Мартынъ Кровицкій, Егоръ Бландрата, Францъ Лисманіусъ, Егоръ Шоманусъ, Григорій Паули, Станиславъ Лютомірскій, Андрей Тржецескій, Имонъ Заціусъ, Петръ Статоріусъ, Бернардъ Охнустъ, Павелъ Аціатусъ, Якубъ Любельчикъ, Станиславъ Сорницкій и другіе учредили общество подъ названіемъ «Польскія Аѳины», которое перевело псалмы, гимны для народа и священное писаніе на польскій языкъ и напечатало ихъ въ Брестъ-Литовскѣ. Отъ 1558 до 1561 г. еще существовали здѣсь типографіи. Затѣмъ, вмѣсто послѣдователей Цвинглия, появились здѣсь Аріане или Социніане; но съ 1570 г. они начали переселяться въ Раховъ, какъ болѣе удобное для нихъ мѣсто. Петръ Мышковскій, епископъ краковскій, приобрѣта это имѣніе, окончательно изгналъ разновѣрцевъ пзъ Пинчова. Племянникъ его, Сигизмундъ, усмысленный Винцентіемъ Гонзагомъ, княземъ Мантуанскимъ, принялъ гербъ его и отъ папы Климента VIII, сдѣланъ былъ маркисомъ Мировскимъ въ 1596 году; онъ же учредилъ и майоратъ Пинчовскій. Тотъ же Сигизмундъ Мышковскій украсилъ городъ, оградилъ его стѣнами и за ними построилъ мѣстечко Мировъ. Въ исторіи Пуффендорфа помѣщенъ видъ Пинчова. Карлъ XII послѣ битвы подъ Кляссовымъ, въ 1702 году, укрѣпилъ Пинчовъ, сдѣлалъ его складомъ награбленной Шведами добычи и оставался тамъ довольно долгое время; по смерти Іозефа Владислава, послѣдняго въ родѣ Мышковскихъ въ 1727 году, майоратъ перешелъ въ родъ графовъ Велепольскихъ, принявшихъ и титулы маркисовъ Гонзаго-Мышковскихъ.

